

УДК 329.7(=411.16)(477+438.15)«1900/1902»

О. Г. ГУЛА, В. Д. ГУЛА*

СПОГАДИ ЧЛЕНА ЦК БУНДУ
МОЙСЕЯ РАФЕСА ПРО БІЛОСТОЦЬКИЙ
ПЕРІОД ДІЯЛЬНОСТІ ОРГАНІЗАЦІЇ
(1900–1902 РОКИ)

(продовження, початок у № 4(315) за 2018 р.)

Публікується продовження спогадів члена ЦК Бунду М. Рафеса. У наведеній частині документу автор описує вироблення поглядів цієї політичної сили на розв'язання національного питання в Російській імперії, облаштування підпільних типографій, формування керівного складу партії. Також приділена увага діяльності агентів охоронного відділення у лавах Бунду.

Ключові слова: Бунд; національне питання; соціал-демократія; робітничий рух.

Рафес М.**Белостокский период в жизни ЦК Бунда (1900–1902)***[1918–1921]***4. Третий съезд Бунда.**

В декабре 1899 года Белостокский Комитет Бунда получил приглашение послать представителей на третий съезд. Первый учредительный съезд был, как известно, в сентябре 1897 года, 2-й съезд в сентябре 1898 года через несколько месяцев после минского провала, на котором арестован был весь Ц.К. Комитет делегировал Бенче и меня. Сверх того поехал от Белостока и Абрам в качестве представителя от нарождающегося союза кожевников. Съезд происходил в Ковне на специально снятой квартире**. Продолжался он 3 дня. Присутствовало на нем человек 15. Всех участников я вспомнить не могу. Назову только нескольких. Центральный Комитет представлен был Тарасом (Давид Кац), Заграничный Комитет «Джоном» (Миль), специально приехавшим из Женевы. От Минска был Альберт Залкинд, от щетин-

* Гула Оксана Григорівна – кандидат історичних наук, старший науковий співробітник відділу технологічного забезпечення архівної справи Українського науково-дослідного інституту архівної справи та документознавства;

Гула Володимир Дмитрович – кандидат історичних наук, докторант відділу української історіографії Інституту історії України НАН України.

** Это было в конце декабря. Из соображений конспирации, чтобы нельзя было охранке напасть на след участников, он был помечен в официальном сообщении датой конца января 1900 года.

щиков, если не ошибаюсь, Залмен, от Лодзи или Варшавы – Цивбе. Дебаты были весьма оживленные, особенно по национальному вопросу, впервые поставленному на обсуждение. Докладчиком выступил по этому вопросу Джон, доказывавший необходимость и своевременность выставления специальных национальных требований еврейского пролетариата и расширить пункт о гражданском равноправии выставлением требования национального равноправия. Подавляющее большинство однако отнеслось холодно к изменению содержания агитации. Принято было однако решение для дальнейшего выяснения вопроса открыть дискуссию на страницах *אידן ארבעטער*¹, издававшегося за границей, равно как по вопросу о независимости Польши.

В общем съезд не произвел на меня удовлетворительного впечатления. Не видно было подготовительной работы по его созыву. Вопросы не были достаточно обсуждены на местах. Не было заготовлено никаких проектов резолюций. На самом съезде в обстановке спешного подпольного обсуждения невозможно было составить сколько-нибудь продуманных резолюций, которые дали бы равнодействующую сводку дебатов. Поэтому, напр., прения об экономической борьбе, после заслушания ряда тут же составленных неудачных резолюций, дали в результате малосодержательную формулировку, предложенную Тарасом, что «экономическая борьба есть одно из средств для развития политического и классового сознания в рабочей массе». Еще бесплоднее оказались дебаты о стачечных кассах. Резолюция гласила, что съезд не может принять никакого общего решения для всех ремесел и всех городов.

5. Белосток – резиденция Ц.К. Бунда

Осенью 1900 года Белосток стал негласной столицей Бунда. Случилось это следующим образом.

В первых числах мая явился к нам на квартиру Тарас в сопровождении неизвестного нам высокого человека, спокойного, медлительного, рассудительного. Тарас был еще сравнительно молодым бундовским деятелем. Политическое воспитание он получил, само собой разумеется, в бундовском Иерусалиме – Вильне. Там он выделился как ловкий конспиратор и организатор и вошел в местный Комитет. После провала Ц.К. летом 1898 г., он остался наследником его компетенции и с редкой быстротой сорганизовал 2-й съезд, на котором он был выбран в члены Ц.К. В это время все видные старые деятели были в тюрьме, ссылке и эмиграции. Исай и Люба Айзенштадт были в Виллойске, Аркадий Кремер, «Владимир» (Наум Левинсон, Коссовский), Глеб (Абрам Мутник) и др. сидели в Москве – Таганке, а впоследствии выпущенные из тюрьмы скрылись за границу. «Учитель» (Лону, Гожанский) был в Якутской области, «Джон» (Миль), «Тимофей» (Копельзон) были в Швейцарии,

Бейнцы (Михаил Избицкий) был выслан в Полтаву, Моисей Душкан был выслан в Екатеринослав, учитель Портной, работавший в Ковне, был в ссылке в Балаганске и т.д.

Неизвестный высокий человек носил прозвище «Ноах» и оказался ковенским учителем Портным, только что приехавшим благополучно из Балаганска, откуда он бежал и был вывезен друзьями в сидении повозки. Он был кооптирован в Ц.К. Тарасом и оба направлялись теперь в Варшаву и по дороге заехали к нам.

Ноах предложил мне работать в «Арбайтер Штимме» и, между прочим, взять на себя постоянный отдел политической агитации, посредством фактов, характеризующих мрачные стороны русского самодержавия. Я дал этому отделу заголовок *וועלט 5'ניצטע*². Факты я мог, между прочим, черпать в изобилии в выходившей тогда оппозиционной газете князя Барятинского «Северный Курьер», оказавшейся, конечно, недолговечной. Статьи свои я высылал в Варшаву, где находилась бундовская типография и где жил Ноах. Впервые они стали появляться с №19, вышедшего осенью 1900 г., приблизительно в сентябре.

В это же время приехал к нам снова Ноах. Он сообщил мне, что я кооптирован в Ц.К., который состоит, таким образом, из трех человек. Тарас будет заведовать техникой, объезжать места, а мы вдвоем будем жить в Белостоке.

С этого момента в течение полутора лет Белосток оставался резиденцией Ц.К., и наша квартира превращается в центр этой резиденции.

Ноах нашел себе комнату на одной из глухих улиц города. Она была без хозяев, без прислуги. Маленькая девочка, дочь дворника, убирала ему комнату и подавала самовар. Ни одна человеческая душа, кроме 1–2 посвященных, не знали его адреса. Я был у него за все время, кажется, не больше одного раза. Зато он ежедневно приходил к нам, нередко 2–3 раза в день. Вдвоем мы разрешали все вопросы, и хотя при такой коллегии из двух человек, решение могло приниматься только единогласно, но неразрешенных споров у нас не бывало. Только по отношению к национальному вопросу у нас было расхождение, но на практике оно разрешалось компромиссом.

То было чрезвычайно интересное время. Революционное движение начинало выходить из спячки, в которую оно впало благодаря массовым провалам 1898 года в связи с первым съездом Российской С.Д.Р. Партии. Студенческое движение начавшееся в 1899 году всколыхнуло Россию. В Харькове 1 мая произошла внушительная рабочая демонстрация. Революционное настроение явно нарастало. Собиралась выходить «Искра», из которой по замыслам ее организаторов Ленина, Мартова и Потресова «должно было разгореться пламя».

Как раз в эту пору пришло письмо в Ц.К. от Мартова из Полтавы. Оно было написано химическими чернилами между строками

ординарного текста. Он критиковал работу Бунда за последнее время, увлечение экономической борьбой, пренебрежение политикой и чисто социалистической агитацией, замыкание в узком кругу вместо работы в общероссийском масштабе. Кустарничество, выражающееся, между прочим, в том, что «Бунд развлекается выпуском кучи местных газет».

Скоро после этого Ленин, Мартов и Потресов выехали за границу, и в декабре вышел первый № «Искры». Ноах и Заграничный Комитет относились с большой опаской к грядущему органу с точки зрения позиции, которую он займет по отношению к Бунду, и действительность оправдала их опасения в значительной мере.

6. Литература и типографии.

Я упомянул, что бундовская типография находилась в то время в Варшаве. Она имела только еврейский шрифт и в ней печатались עמיטע אָרטעלעך³ листки и местные органы. Виленский Комитет одно время тоже имел еврейскую типографию, в которой печатал свой מאָנקנסאלק⁴. Но с одной стороны, Варшавская типография решительно не справлялась с работой. Печатание листков для Ц.К. и для местных комитетов отнимало у нее массу времени и непрерывно отвлекало ее от набирания עמיטע אָרטעלעך, которая поэтому выходила слишком редко. Тем более, что последние №№ были весьма объемисты, так как жизнь выдвигала множество вопросов. С другой стороны, выросла настоящая потребность в русской типографии для агитации среди интеллигенции и для работы на юге России. Виленский Комитет скоро завел для себя русскую типографию, из которой осенью 1901 года вышел первый русский листок, написанный Гуревичем и посвященный мракобесной деятельности нового виленского губернатора фон Валя, позднее получившего печальную известность благодаря порке еврейских рабочих и покушению на него Леккерта. Ц.К. пользовался иногда этой типографией и мне пришлось в ней побывать, разумеется, с подобающими предосторожностями. Это было поздно вечером и я застал ее в свернутом состоянии. Работал в ней Шолом, наборщик со своей женой. Станок, шрифт и кассы были искусно скрыты в комод, и снаружи не было никаких подозрительных признаков. При работе ящики выдвигались, в секунду их можно было вдвинуть. Помещалась она на Полтавской улице, недалеко от пересыльной тюрьмы. Там было напечатано написанное Ноахом воззвание к еврейскому обществу по поводу ограничения прав евреев на образование. Там печатались Минские листки против независимых и т.д.

Но мы скоро получили возможность пользоваться в экстренных случаях и другой русской типографией. Петербургский Союз борьбы, издававший «Рабочую мысль» вздумал поставить новую типографию

для печатания брошюр. Оборудовать ее взялся Сергей (Зельдов, Неманский) живший тогда в Петербурге и бывший членом Союза. Он решил поставить ее, во избежание провала, далеко от СПб и избрал для этого Варшаву. Станок изготовил Сроль Михель Каплинский в своей Двинской слесарной мастерской. Тогда никому и не снилось, что руки, изготовлявшие для нелегальных организаций типографские станки, получали серебрянники из рук Зубатова⁵. За вполне оборудованный станок он взимал 75 рублей.

И в этой типографии мне пришлось побывать, на этот раз среди белого дня, и я застал ее в полном ходу. В середине комнаты на столе стоял небольшой станок, вершков 10 в длину и вершков 6 в ширину. Каждое толкательное движение руками отпечатывало один экземпляр (одну страницу) после чего валиком, напитаемым типографской краской смачивался набор. Существовала она на людной улице, во дворе большого дома под видом переплетной.

Этой типографией, по соглашению с Петербургским Союзом борьбы, мы могли время от времени пользоваться для своих нужд. Там мы напечатали прежде всего «Воззвание к еврейской интеллигенции», написанное мною. Оно представляло довольно значительную брошюру и поспело как раз к 4-ому съезду. Оно было потом несколько раз перепечатано за границей по русски и по польски. В резолюциях 4-го съезда по XVIII пункту порядка дня «о средствах привлечения симпатий общества» издание такой брошюры указано, как одна из мер, которую еще предстоит осуществить. Но это было сделано потому, что, в интересах конспирации, съезд был датирован в отчете концом апреля, тогда как на самом деле он происходил в двадцатых числах мая. Там же мы напечатали в виде брошюры отчет о 4-ом съезде, перепечатанный потом тоже многократно по русски, по еврейски и по польски, и помещенный в 1906 г. в первом выпуске «Материалов по истории евр. движения».

Для более быстрого печатания ברעָ עמיטש мы решили завести вторую еврейскую типографию. Тарас предложил поставить ее в Кишиневе и сэтой целью поехал туда для работы. Типография была оборудована. В ней работала также Лиза Амстердам, вдова известного витебского деятеля, утонувшего в Днепре во время высылки в Оршу. Типография эта напечатала между прочим прокламацию Ц.К. к 1-ому мая 1901 года. С этой прокламацией вышло много путаницы, благодаря многократной рассеянности, которую к нашему изумлению проявил в тот ответственный момент Тарас. Часть ее провалилась и она едва-едва поспела к сроку для распространения. Анна выехала в Брест, где встретилась с Тарасом и отвезла часть прокламаций в Варшаву. В Минск повез их я.

Особенно много забот приложили мы к выпуску № 25 ברעָ עמיטש., который, согласно постановлению 4 съезда, должен был быть выпу-

щенным, как юбилейный. Он должен был печататься у нас по еврейски, а за границей по русски и польски. Номер носил праздничный характер, заключал в себе ряд обзрений и между прочим на отдельном листе, отпечатанном за границей, помещены были портреты вождей социализма в Зап. Европе. Но главным украшением его было множество поздравлений от заграничных лидеров и русских организаций. Были таковые от Геда, Вальяна, Каутского, Бебеля и др. Из организаций были от «Союза Русс. С.Д. за границей», от «Искры», от «Южного Рабочего», от Польской С.Д. и др. Эти приветствия нами очень ценились, и благодаря им юбилейный номер получил действительно интернациональный торжественный характер. Однако судьба еврейского издания была весьма плачевная. Оно печаталось в Варшаве, так как Кишиневская типография тогда, из за замеченного слежения, была ликвидирована. Большая часть отпечатанных номеров была отправлена на вокзал для сдачи в багаж. Отправлял ее Хаим Закон (Даниил). Таможенный надсмотрщик его остановил и спросил, что в корзине. Тот ответил почему-то «Кожа». Потребовали открыть. Закон пошел якобы за ключом и скрылся, груз пропал. Рассказывали, что Хаим был так потрясен этим несчастьем, что плакал, как ребенок*. Поздно ночью раздался звонок в нашу квартиру. То Лиза Амстердам, бесконечно расстроенная, примчалась к нам в Белосток из Варшавы сообщить об этой истории. Пришлось примириться со случившимся. Оставшиеся экземпляры были с величайшими предосторожностями разосланы по местам в чемоданах с двойным дном, и организации вынуждены были довольствоваться одной третью того, что должны были получить.

7. Четвертый съезд Бунда.

Через год после III съезда мы с Ноахом нашли необходимым созвать новый съезд. Жизнь шла быстро, возникали и требовали пересмотра и разрешения многие вопросы. Мы нашли, что удобнее всего созвать его в Белостоке, где под нашим непосредственным надзором организацию его можно было провести успешнее.

Мы сняли для этого заблаговременно квартиру в одном из переулков Ханайкес. Квартиронанимателем был, если не ошибаюсь, Довид ткач. Съезд открылся, как я уже говорил выше, в двадцатых числах мая. Это время мы сочли наиболее удобным, так как майская страда повсюду давно закончилась и бдительность жандармерии должна была притупиться. Само собою разумеется, что в конце апреля – как мы писали потом в отчете для отвода глаз – никакой съезд не мог бы благополучно пройти, так как в это время подымали на ноги все охранные силы.

* Возможно, впрочем, что в этой корзине заключалась литература, транспортированная из-за границы, а юбилейный номер арестован был в транспортной конторе «Надежды». Самые факты я хорошо помню.

Делегатом присутствовало на съезде 24 человека.

От белостокского комитета делегированы были Бенче и Анна. Абрам, как и на третьем съезде, представлял интересы будущего союза кожевников. Для конспирации в отчете этот союз, как еще неоформленный, не подавался, а говорилось об «еще одной профессиональной организации». Другая профессиональная организация – союз щетинщиков – представлена была Залменом. От Вильны был Арон Вайнштейн (позднее «Рахмиил») недавно вернувшийся из-за границы. От Гомеля были два делегата, один из них – Абесгауз. От Двинска – Сроль-Михель Каплинский. От Лодзи был Миша, т.е. Михаил Гольдман, будущий Либер, недавно вернувшийся из-за границы. От Варшавы – Хаим Закон. От Бердичева – Алтер Кожевник и от Житомира Исаак Мицкун («Карл»). Ради конспирации оба эти города не были названы в отчете, а вместо этого говорилось глухо о «двух южных городах России». От Гродно был вольноопределяющийся Ботвинник, от Ковно – Файвель Сапожник. От Ц.К. были Ноах и я. Был на съезде Сергей Неманский. Были еще представители от Витебска и Минска, которых я сейчас не могу назвать с уверенностью. Съезд продолжался 5 дней, но так как несколько делегатов не имели никакой возможности дольше оставаться, то последний день съезда был превращен в конференцию, решения которой, однако, были так же обязательны, как и резолюции съезда*.

К этому съезду, вследствие опыта Ковенского съезда, мы сочли необходимым заготовить проекты некоторых резолюций. Выработывали мы их с Ноахом вдвоем. Один раз участвовал в их обсуждении Неманский, приехавший из СПб. Заготовили мы между прочим резолюции по национальному вопросу, об отношении Бунда к Р.С.Д.Р.П. и о сионизме. Эти резолюции целиком были приняты съездом. Необходимо отметить, что дискуссию по национальному вопросу, которую постановил открыть третий съезд на страницах *רעטעבראָ עשידיא*, сильно запоздала своим появлением. Первые статьи в № 11 появились на свет в напечатанном виде уже после съезда. Базисом при составлении резолюций послужили для нас прения на Брюнском партийтаге австрийской с. демократии⁶.

В виду того, что отчет о 4-ом съезде дает верную и довольно подробную картину того, что происходило на нем**, я не буду останавливаться на принятых резолюциях. Это отняло бы слишком много места, которым мы не располагаем. Я коснусь только резолюции по национальному вопросу.

* Она считается *четвертой* конференцией Бунда. Предыдущая, третья, на которой я тоже присутствовал, происходила в Варшаве весной 1900 года.

** Объяснения к резолюциям об экономическом терроре, о средствах против насилий со стороны полиции и о демонстрациях написаны были Ноахом. Остальное – мною.

В отчете соответственно требования конспирации не назывались никакие имена. Были сгруппированы в нем 3 течения. Первое представлено было одним только оратором Х. Другое противоположное названо в отчете группой Д. И наконец среднее, промежуточное, обозначено буквой Б. Так как обычное деление на правое и левое крыла сюда неприменимо, то мы назовем их *בונדווייטש*⁷ и *בונדווייטש*⁸, а между ними центр. «Бундистское» крыло представлял тогда в единственном числе Либер, центр возглавлялся Ноахом, но к нему же принадлежали Арон Вайнштейн, Хаим Закон и др., «Бундовское» крыло представлялось Анной, мною, Бенче, Абрамом и др.

Предложенная нами резолюция, выработанная сообща Ноахом и мною, представляла собою компромисс между центром и «бундовским» течением. Он заключался в следующем.

Резолюция заключала в себе две части: одну программную, другую практическую, актуальную. Третий съезд подавляющим большинством голосов отверг предложение Джона выступить с немедленным выставлением требования национального равноправия. Эта самая позиция целиком сохранена в резолюции. Но в то же время она пытается в первой своей части дать програмное решение национального вопроса не в смысле территориальной национальной автономии, а в смысле персональной, культурной. Это соединение удовлетворило оба течения, но, конечно, не удовлетворило Либера, требовавшего *немедленного* выставления национальных требований.

Конечно, то что нашел «несвоевременным» четвертый съезд, мог найти вполне своевременным какой-нибудь из ближайших съездов. Так оно, по неизбежной логике вещей, и случилось. Этому способствовали, впрочем, в весьма сильной степени страстные и далеко несправедливые нападки на резолюции IV съезда, которые стали помещаться в «Искре». Необходимость отвечать на обвинения тем самым привлекали к этому вопросу больше внимания, чем это прошло бы при других условиях. Одним из таких ответов явилась брошюра «О национальной автономии и федеративном устройстве Партии», написанная В. Коссовским, пересланная в рукописи к нам в Белосток и здесь переработанная.

Не останавливаясь больше на резолюциях IV съезда, я воспользуюсь моментом, чтобы раскрыть те из законспирированных в отчете точками вопросы и постановления, которые я могу вспомнить. Один из таких трех вопросов порядка дня касался необходимости работы среди христианских рабочих ввиду того, что отсталость их сильнейшим образом тормозила дальнейшее развитие еврейского рабочего движения. В резолюции по вопросу о деятельности Бунда на юге России, умолчанный пункт 2) говорил о необходимости объезда городов юга для обследования и установления связи.

На съезде произведены были выборы Ц.К. Происходили они не просто тайно, а трижды тайно. Не только тайно от полиции и вообще всего света, кроме собравшихся, не только тайной подачей голосов, но и самый результат оставался тайной для избирателей. Все записки были вручены Ноаху. В одиночестве он их подсчитал и потом тайно оповестил избранных. Может быть, благодаря такой системе выборов, у меня в памяти не сохранилось никаких имен и никаких цифр о распределении голосов. Знаю только, что и после съезда все осталось по-прежнему. Мы с Ноахом оставались вдвоем в Белостоке и вершали дела Бунда.

По окончании съезда все участники, кроме нескольких разъехавшихся, собрались вечером у нас на квартире. Самовар шипел, пили чай, закусывали, и весело болтали. Никогда не чувствовалось такого подъема духа, такой бодрости, как тогда. Съезд прошел удачно, хотя Сроль-Михель был его участником, хотя он вместе с другими проводил у нас прощальный вечер и хотя Зубатов, как видно из писем Мани Вильбушевич, опубликованных в журнале «Былое», знал от нея, что в Белостоке «свадьба» и немедленно по телеграфу скликал туда своих шпионов. Приходится сказать вместе с Гамлетом: «Много есть, друг Горацио, на свете вещей, которых понять нельзя»⁹. Тогда однако мы не подозревали опасностей, угрожавших нам. Громадное удовлетворение заключалось в том, что съезд внутренне прошел прекрасно, что многочисленные вопросы были благополучно разрешены, что на съезде обнаружился значительный шаг вперед сравнительно с предыдущим съездом. Участники разъехались с тем, чтобы с новой бодростью повести рабочее движение к грядущей революции.

(продовження буде)

¹ רעטעבראָ עשידיא (ідіш) – «Єврейський робітник» – один із друкованих органів Бунду, що видавався у Швейцарії.

² רעטצניפֿ טלעוו (ідіш) – темний світ.

³ רעטעבראָ עמיטש (ідіш) – «Робітничий голос» – головний друкований орган Бунду, що виходив на території Російської імперії.

⁴ רמאקנסאלק (ідіш) – «Класова боротьба».

⁵ Ізраїль Каплінський – агент охоронного відділення в лавах Бунду. Був заарештований 1898 р. у підпільній типографії в Бобруйську, після чого погодився на співпрацю з політичною поліцією. При цьому він відігравав значну роль у Бунді, будучи агентом ЦК [Козьмин Б. С. В. Зубатов и его корреспонденты. Среди охранников, жандармов и провокаторов. Москва–Ленинград, 1928. С. 99].

⁶ На партійному з'їзді, який відбувся 1899 р. у Брюнні (нині – Брно), була прийнята програма, покликана нейтралізувати політичні прояви національної боротьби. Резолюція з'їзду містить заклик перетворити Австрію на «державу,

що представляє демократичний союз національностей»; історичні коронні землі повинні бути перетворені на «національно-відмежовані самоврядні корпорації», в кожній з яких законодавство і управління знаходилися б у руках Національних палат, що обираються на основі загального, прямого і рівного голосування; всі самоврядні області однієї і тієї ж нації утворюють разом «національний союз». Оскільки відкидались будь-які національні привілеї, відкидалось і поняття державної мови. Ця програма була негативно сприйнята В. Леніним, який вбачав у ній відхід від інтернаціоналізму і, як наслідок, зростання реформістських та націоналістичних тенденцій в ідеології партії. Ця оцінка Брюнської програми була згодом екстрапольована більшовиками на національну програму Бунду [*Лозинский С. Брюннский партейтаг // Еврейская энциклопедия. Т. 5. 1910. С. 49–50*].

⁷ שיטסידנוב (ідіш) – бундистське.

⁸ שידנוב (ідіш) – бундівське.

⁹ На нашу думку, така ситуація пояснювалася баченням С. Зубатова щодо перспективних шляхів боротьби з революційним рухом. Саме в цей час почали створюватися підконтрольні політичній поліції соціалістичні організації, що висували на перший план вимоги економічного характеру. Ці організації були покликані відтягнути маси від політичних супротивників самодержавства, перетворивши їх на штаби без армій. У такій ситуації масові затримання могли лише збільшити їхню популярність серед опозиційно налаштованої громадськості.

The continuation of memories of Bund Central Committee member M. Rafes is published. In this part of the document, the author describes the development of the views of this political force on the resolution of the national question in the Russian Empire, the arrangement of underground typography, the formation of the leadership of the party. Also attention is paid to the agents of the security department in the Bund ranks.

Key words: Bund, national question; social democracy; labor movement.